

Люди, на которых обрушился дождь, всегда готовы поддержать зонтик для других.

Цзян Шэн присела на корточки. Она не только не убрала два ватных одеяла, но даже подмяла их углы.

Она не могла не задаться вопросом, не умрут ли эти дети от голода вслед за Пан Дашанем.

Чжэн Жуцянь неизвестно, когда он подошел. Увидев детей, его зрачки на мгновение сузились. "Цзян Шэн, ты не должна думать о том, чтобы взять с собой домой больше людей".

Если подбирание Сюй Мо было по доброте душевной, то Фан Хенга - для собственной защиты, а принятие Вэнь Чжиюня - это способ оплаты за доброту.

Чжэн Жуцянь совершенно не хотел принимать еще одного ребенка.

Обветшалый храм не мог вместить шестого ребенка.

"У меня нет такого намерения", - Цзян Шэн встала, окинув взглядом нищих. Когда она увидела последнего нищего, то была ошеломлена.

У остальных нищих кожа была темной и обветренной, только у этого была светлая кожа и красивые черты лица, даже ресницы у него были на полсантиметра длиннее, чем у остальных.

Из-за его бледности Цзян Шэн хорошо видела румянец на его лице и потрескавшиеся губы.

Она не могла не потрогать лоб нищего. Он была потрясение.

У этого нищего был жар. Если его не лечить, это может привести к серьезным последствиям.

Цзян Шэн не могла усидеть на месте и продолжала звать Четвертого брата.

Вэнь Чжиюнь подумал, что его младшая сестра ранена. Он вошел, пошатываясь, с серебряными иглами в руках.

Увидев покрасневшего нищего, он нахмурился и померил пульс: "Высокая температура, если она не спадет, то завтра к вечеру его уже не будет".

Но они не взяли с собой аптечку, а в городе не было клиники.

Цзян Шэн стиснула зубы и в душе приняла решение: "Второй брат, помоги мне".

Она с трудом подняла маленького нищего.

Хотя Чжэн Жуцянь не хотел, он все же протянул обе руки, и они вдвоем с трудом перенесли маленького нищего на тележку с осликом.

Сюй Мо и Фан Хэн были потрясены. Разве они не собирались взять хлопковые одеяла? Почему они не привезли стеганные одеяла, а вместо них привезли маленького нищего?

У Цзян Шэн не было времени на объяснения. Она просто окликнула Панг Дэшаня: "Одеяла для тебя, а этот ребенок теперь мой".

Затем она велела Фан Хенгу поспешить обратно в полуразрушенный храм.

По дороге их то и дело укачивало, но наконец они приехали.

Фан Хэн отнес нищего и положил его рядом с Сюй Мо на единственное оставшееся ватное одеяло.

Вэнь Чжиюнь пошел готовить лекарства, а Цзян Шэн накрыла его новой ватной курткой, согревая и постоянно кормя его водой.

Маленький нищий несколько раз пытался заговорить, но не мог вымолвить ни слова.

К счастью, после того как его накормили двумя мисками лечебного супа, температура постепенно снизилась и перестала быть обжигающе горячей.

Наступила ночь.

Уставшие братья легли спать, накинув на себя новые хлопчатобумажные куртки.

Цзян Шэн тоже хотела поспать, но Чжэн Жуцянь торжественно вытащил ее наружу.

Братья и сестры шептались: "Мы не можем оставить еще одного ребенка. Когда температура спадет, отправьте его".

"Куда отослать?" Цзян Шэн спросила: "Обратно к Панг Дэшань?"

Чжэн Жуцянь закрыл рот.

Хотя Пань Дашань и основал "Секту нищих", он не слишком хорошо относился к своим младшим братьям. Он лишь ставил себя во главе банды и требовал, чтобы еда и одежда в первую очередь доставались ему.

В результате за четыре или пять лет, прошедших с момента основания Секты нищих, у него было всего два маленьких последователя.

Если отправить маленького нищего обратно, его могут задирать или даже забить до смерти.

Так и случилось... тот девятилетний мальчик медленно замерз в снег.

В полуразрушенном храме новая куртка была еще теплой, но Цзян Шэн все еще ворочалась, не в силах уснуть. Всякий раз, когда она закрывала глаза, ей мерещился умирающий взгляд девятилетнего мальчика. Она могла только бодрствовать, считая овец.

Когда на двухсотой овце она наконец погрузилась в глубокий сон, Цзян Шэн не заметила, как маленький нищий внезапно открыл глаза, показав яркие черные зрачки.

На следующий день.

Маленький нищий все еще не открыл глаза, когда Цзян Шэн надела хлопчатобумажную куртку и побежала варить кашу.

Братья уже привыкли к ее умению готовить, безразлично брали миски и пили.

У них не было другого выбора, даже если они не привыкли к этому. Вэнь Чжиюнь не знал, как разжечь огонь. Фан Хэн и Чжэн Жуцянь не отличали сырое от вареного. Каша Цзян Шэна все равно была лучше.

Сюй Мо немного соображал, но не мог пошевелиться. Он только глотал кашу и дразнил Цзян Шэна: "Разве эти хлопчатобумажные куртки не для продажи? Как получилось, что мы надели их первыми?"

Цзян Шэн стояла, уперев руки в бедра: "Сначала мы их наденем, а потом продадим остальные".

Но где продавать, было проблемой.

Цзян Шэн изначально хотела продавать в городе, но братья очень устали после вчерашнего путешествия, поэтому она подумала и отнесла две хлопковые куртки к входу в деревню.

"Продам хлопковые куртки! Продаются хлопчатобумажные куртки, дешевая распродажа! Двадцать монет в городе, всего пятнадцать монет здесь".

Крики семилетней девочки привлекли внимание нескольких тетушек.

"Цзян Шэн, где ты украла эти хлопковые куртки и штаны?" Кто-то специально пошутил.

Цзян Шэн поспешно объяснила: "Не говорите ерунды, тетушка Лю. Они были куплены оптом в уезде, чистые и новые, все еще пахнут новизной".

Уникальный запах новой одежды невозможно подделать.

Тетушка Лю смущенно порылась в одежде: "Они действительно стоят пятнадцать монет? В городе явно продают за двадцать монет, почему у вас на пять монет дешевле?"

Цзян Шэн была нищей, люди не доверяли одежде, продаваемой нищей, и не решались ее покупать.

Но низкая цена была заманчивой, целых двадцать пять процентов скидки, поэтому тетушки столпились вокруг Цзян Шэна, придираясь к недостаткам в надежде найти какие-то проблемы.

Цзян Шэн защищалась и объясняла: "Они дешевле, потому что мой босс продал их мне по дешевке. Мы соседи, я купил их за четырнадцать монет, а вам продаю за пятнадцать, тетушка, позвольте и мне заработать на вас монетку".

"О боже, маленькая нищенка теперь знает, как вести торговлю".

"Немного дешевле, четырнадцать монет, я согласна".

Всего Цзян Шэн купил в округе двадцать курток. Пять носили, одну оставили себе, остальные четырнадцать были распроданы.

Она купила их по двенадцать монет за штуку и продала по четырнадцать, заработав по две монеты за куртку.

В полуразрушенном храме Цзян Шэн с удовольствием сидела на корточках, пересчитывая двадцать восемь монет в руке.

Чжэн Жуцянь был недоволен ею всю ночь. Теперь он неловко подошел к ней, все еще пытаясь убедить: "Цзян Шэн, в этом мире много детей без родителей, ты не сможешь спасти их всех".

Цзян Шэн понимала эти доводы, но, имея перед глазами живого человека, она не могла притвориться, что не видит.

Как в тот раз, когда она спасла Сюй Мо.

"Второй брат, я обещаю тебе, что это последний, хорошо? Он самый последний", - уговаривала его Цзян Шэн.

Чжэн Жуцянь уже собиралась что-то сказать, как вдруг раздался хрип.

Они вскинули головы и увидели, что маленький нищий открыл глаза. Его маленькое светлое лицо пылало очарованием. На первый взгляд он был настолько красив, что приковывал к себе взгляды.

Цзян Шэн была ошеломлена.

Чжэн Жуцянь тоже был ошеломлен.

Слова, которые он готовил всю ночь, испарились и рассеялись. Чжэн Жуцянь заикаясь проговорил: "Цзян Шэн, это действительно последний раз".

Чжэн Жуцянь не то чтобы смягчился, но он знал, что случится с таким красивым мальчиком.

Посторонние знали, что павильон Ихун - это место, где мужчины ищут цветы и ивы, но они не знали, что во внутренней академии воспитывается группа красивых юношей, специально отобранных для тех, у кого есть деньги и власть.

Чжэн Жуцяня тоже отправляли туда раньше, но в конце концов отсеяли за неимением таланта. Его мать в гневе топнула ногой: "Если бы я знала, то нашла бы тебе более деликатного отца. Я растила тебя столько лет, а ты ни на что не годен".

После этого Чжэн Жуцяня выгнали из павильона Ихун.

Ребенок, брошенный матерью, не мог так просто смириться с реальностью.

Чжэн Жуцянь с самого начала знал, что он - бесполезный мусор своей матери.

<http://tl.rulate.ru/book/104294/3772923>